

А.А. Белькова*

**«СЕМЕЙСКИЙ КЛАН» В ПОСТСОВЕТСКОЙ БУРЯТИИ:
ПРИВАТИЗАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОЛИТИКЕ¹**

Аннотация. В данной статье исследуется язык описания бурятской политики, сформированный в публичном пространстве. Согласно ему, политики классифицированы по группам – кланам, а наиболее часто упоминаемый семейский клан описывается как один из самых сильных. Проблема существования клановой системы исследуется с помощью концепции неопатримониализма, которая позволяет изучить, действительно ли рациональное государство существует наряду с патримониальными отношениями, и являются ли кланы кланами.

Ключевые слова: неопатримониализм; кланы; политическое представительство; семейские.

A.A. Bel'kova

**«Semeiskii (familialistic) clan» in post-soviet Buryatia:
Privatization of identity in politics**

Abstract. This article explores the Buryat policy description language generated in the public space. It classifies politicians into groups – clans, and the most frequently mentioned clan «semeiskie» is described as one of the strongest. The problem of the clan system existence is explored through the neo-patrimonialism theory. It allows us to examine whether a rational state really exists along with patrimonial relations, and whether these groups really are clans.

Keywords: neopatrimonialism; clans; political representation; semeiskie.

---

*Белькова Анастасия Анатольевна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра изучения политических трансформаций Бурятского государственного университета, e-mail: afan-project@mail.ru

Bel'kova Anastasia, Centre of Political Transformations Studies, Buryat State University, e-mail: afan-project@mail.ru

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. «Русский мир в современной Внутренней Азии: политика и идентичность», проект № 15-33-01000.

Семейские – это устоявшееся название для локальной группы русского населения, проживающей в Бурятии. Этот термин получил широкое распространение в работах отечественных и зарубежных антропологов и этнографов начиная с конца XIX в. [Талько-Грынцевич, 1898; Болонев, 1985], а также в повседневном языке. Семейские – это потомки старообрядцев, переселившихся на территорию Бурятии в XVIII в. Другие характеристики этой группы на современном этапе, даваемые в различных публикациях, зачастую противоречат друг другу, однако факт ее существования практически никем не оспаривается. Те, кто описывают политическую ситуацию в регионе, часто апеллируют к тому, что с политической точки зрения у семейских есть право представительства в органах власти в регионе, где они проживают. В современной Бурятии в публичном пространстве выстраивается четкая взаимосвязь между местными политиками и различными группами местного населения, которые они представляют. Подчеркивается, что политик не просто выражает интересы какой-либо группы, а является ее членом и разделяет ее ценности. Из этого следует, что должность, которую он в данный момент занимает, легитимизирована местным сообществом.

Данная статья – это результат анализа языка описания политики, согласно которому политическое пространство региона делится на патримониальные группы и сферы их влияния. В контексте данного исследования большое значение имеет то, как через идею обеспечения представительства тех или иных групп [Mill, 1861] происходит легитимизация системы политических отношений, продолжительности нахождения элит у власти. Большое значение приобретает знаково-символическая система, маркирующая принадлежность той или иной группы политиков к связываемой с ней группе электората. В результате политическая борьба смещается на уровень публичного дискурса. Принципиальное значение приобретает то, каким образом на дискурсивном уровне определяются границы между политическими группами, различия «Свой – Чужой». Изучению именно этих процессов посвящена данная статья.

В публичном пространстве Республики Бурятия с каждым годом увеличивается частота упоминаний так называемого «семейского клана», т.е. политиков, представляющих семейских как группу местного населения. Внимание к ним гораздо более пристальное, чем к другим «кланам». Кроме того, большинство авто-

ров едины в описании общих характеристик этой группы, а значит, она может быть изучена. При этом коллективная идентичность семейских на публичном уровне сейчас продолжает активно осмысляться.

Для анализа сложившихся взаимоотношений в поле политики и их номинаций наиболее удачной видится теория патрон-клиентских отношений и понятие неопатримониализма, на которые и будет опираться данное исследование: как на классические работы Ш. Эйзенштадта [Eisenstadt, 1973], так и на более современные работы, в том числе Г. Эрдмана и У. Энгеля [Erdmann, Engel, 2006; 2007]. В политической науке понятие неопатримониализма стало применяться гораздо шире, хотя у этой модели есть и свои ограничения. В нашем случае она позволяет рассмотреть под новым углом изучаемые отношения и их влияние на политическую ситуацию в регионе.

Существует большое количество этнографических работ, описывающих семейских как единую, отличную от других группу, но в разрезе политики они обычно не рассматриваются. Небольшое количество научных исследований изучает столкновение семейских и государства в 1930-е годы, концентрируясь на репрессиях. Современные работы в этой области максимум касаются ценности и уникальности культуры семейских для туристических государственных проектов. Кроме того, немало внимания уделяется проблемам языка семейских, составлению словарей и политизированной лингвистики. Автор данной статьи рассматривала конструирование семейских в регионе как политической группы, однако там речь шла о семейских как об объекте государственной политики по управлению межнациональными и межконфессиональными отношениями в регионе [Белькова, 2017]. Большинство других исследований, затрагивающих местные этногруппы в контексте политики, вообще не берут в расчет проблему формирования этнических групп и смыслов, в них вкладываемых, а анализируют так называемую этническую политику, т.е. государственные проекты и формальные нормы, в отношении реальных, четко сформированных групп, идентифицирующих себя таковыми. В 2005 г. С. Панарин в своей работе упоминал о принадлежности политических элит Бурятии к этническим группам, но не заострял на этом внимание, скорее исследуя возможности межэтнической напряженности в регионе, кроме того, выделяя только две этнические

группы [Панарин, 2005]. В итоге целесообразно провести аналогию с исследованиями других регионов России, особенно Кавказа, где властные отношения изучались через групповые идентичности. В работе Н. Шахназарян и Р. Шахназарян [Шахназарян, Шахназарян, 2010] для анализа Кавказского региона используется модель неопатримониализма, однако властные взаимоотношения там рассматриваются в контексте теневой экономики и с точки зрения социологии. Таким образом, проблема публичной приватизации групповой идентичности политиками в России мало изучена, а во Внутренней Азии вообще не ставилась.

Поскольку цель работы – изучение приписываемых политической ситуации смыслов, транслируемых на публичном уровне, то само исследование базируется на мониторинге всей открытой информации по теме. Во-первых, анализу будут подвергнуты материалы местных СМИ: наиболее рейтинговых газет с публикациями на тему региональной политики, местных телеканалов, радиостанций с аналитическими передачами на тему политики. Здесь нужно сказать, что в Бурятии, по сравнению с другими регионами России, хорошо развита индустрия СМИ, что позволяет тщательно изучить интересующую нас проблему. Во-вторых, будут рассмотрены публикации в социальных сетях и блогах. Влияние социальных сетей на политику все больше увеличивается, поэтому их нельзя игнорировать. Кроме того, мы исходим из тезиса, что открытый доступ к информации предполагает намерение автора сделать ее публичной, что включает все открытые публикации в социальных сетях в перечень материалов для исследования. В-третьих, во внимание будут приняты комментарии к статьям, размещенным в Интернете. С одной стороны, это самый ненадежный источник в силу анонимности авторов и распространенности троллинга, особенно к публикациям на политические темы. С другой стороны, большинство пользователей практически не владеют навыками выделения фейковой информации и троллинга, поэтому воспринимают их серьезно, сейчас этой проблеме посвящены многие исследования [Evaluating information... 2016]. Из этого следует, что даже информация, упоминаемая в комментариях, может оказать серьезное влияние на формируемые смыслы, поэтому ее нельзя не учитывать. В итоге комментарии все-таки будут рассматриваться, но только те, что стали значимыми, т.е. если информация, изложенная в них, повторялась СМИ, закрепляясь таким образом в

публичном пространстве. Хронологические рамки предполагают поиск первых упоминаний о «семейском клане» и его эквивалентах для выбора точки отсчета анализа. Эмпирическим путем установлен период с начала 2000-х годов по настоящее время.

Что такое «семейский клан»?

Для понимания «семейского клана» в политике в первую очередь необходимо проанализировать, как в публичном пространстве семейские формируются как группа, сплоченная внутри и отличная от других. Выстраивание границ «Свой – Чужой» интересно в первую очередь сформированной практикой журналистов, блогеров и тех, кого они определяют экспертами, делить политиков Бурятии на четко очерченные замкнутые группы, противостоящие друг другу. Их обычно называют кланами, причем без привязки к устоявшемуся в мировой науке понятию клана, описывающему неформальные организации, базирующиеся на родственных и фиктивных родственных связях [Collins, 2004, р. 224]. В Бурятии термин «клан» постепенно приобрел значение политической группы интересов, а их описание, т.е. внутреннее строение, объединяющие характеристики, преподносятся без привязки к понятию клана, а скорее, как региональные особенности этих групп.

При этом сама концепция «клановости» концептуализировалась разными журналистами, и подобные публикации становились наиболее рейтинговыми. Данная тенденция наблюдается в 2010-х годах, более ранние упоминания не предлагали стройных теорий о кланах и борьбе между ними по поводу распределения власти. Новые тексты, описывающие кланы и клановость как неотъемлемую характеристику политического поля Бурятии, стали не просто популярны по своим просмотрам и количеству комментариев, но также неоднократно перепечатывались другими газетами, журналами, становились новостью на местных телеканалах и в социальных сетях на страницах медийных личностей, т.е. местных журналистов, ведущих, тех, кто имеет публичный статус экспертов, некоторых политиков и известных радикалов, имеющих крайне националистические, сепаратистские и тому подобные взгляды, обладающих большой аудиторией из подписчиков в социальных

сетях и время от времени дающих интервью в местных СМИ. Число кланов в таких публикациях непостоянно: в изученных нарративах от четырех до десяти. И во всех нарративах присутствует семейский клан, а семейские сознательно выделяются в группу, составляющую такой клан. Все авторы, даже конфликтующие и спорящие друг с другом, согласны в том, что семейские как политическая группа существуют.

Постепенно конструирование семейского клана перешло от пути хаотичных публикаций с упоминаниями семейских политиков и краткими отсылками к тому, кто они такие, к большим текстам, в которых авторы пытаются выделить однозначные характеристики описываемой группы, ее границы. Создаваемая модель тяготеет одновременно и к этнической и к территориальной привязке. В итоге получается некая карта республики, разделенная на территории этих кланов. Такие карты присутствуют в ряде публикаций (см. рис.).

Рис.

**Пример опубликованной карты с привязкой кланов
к определенным территориям
[Кому принадлежит Бурятия, 2017].**

При этом первичными видятся не кланы, а этнические группы, проживающие на этих территориях, а их уже презентуют кланы. Таким образом формируется понятная аудитории модель политического представительства. Формирование кланов представляет собой эксплицитный процесс, протекающий на уровне публичных суждений, на который сами политики практически не оказывают влияния. Всех, кто не вписывается в эту систему, пренебрежительно именуют «варягами», т.е. неместными, не представляющими интересы местного населения, а значит, чуждыми и опасным для республики. Эта идея используется, когда необходим язык описания, объясняющий в публичном пространстве недостатки конкретных политиков и вред для региона от их действий. Существует несколько прецедентов, самый громкий – использование образа «варяга» при смещении с поста бывшего главы республики.

Семейские политики в этом плане выступают как некая группа, представляющая интересы реального местного населения. Эта позиция дает им право на борьбу за власть и за ресурсы, ведь они борются не только и не столько для себя, а для и от имени группы населения. В связи с этим возникает вопрос и о ее размерах. Доля семейского населения в регионе постепенно стала политическим ресурсом, легитимизирующим не только существование семейского клана, но и силу его влияния. Еще в начале 2000-х годов СМИ сообщали лишь о необычности и уникальности ситуаций, когда жители региона определяли себя как семейские в формальных ситуациях. Например, после переписи 2002 г. активно обсуждался вопрос о том, что некоторые жители Бурятии сообщили переписчикам свою национальность как семейские (см., например: [Сюрпризы... 2002]), и это рассматривалось как нечто, выходящее за пределы нормы. При этом в официальных данных таких сведений нет: государство определило семейских в категорию «русские»¹. Позднее местные исследования по заказу органов власти пытались описать и посчитать количество семейских, но они то становились самостоятельной этнической группой, то религиозной и приравнивались к старообрядцам. Из-за этого цифры разнились [Вопросы, 2010; Религиозные организации, 2011]. Но как политический ресурс эти данные начали использоваться уже в

---

¹ Наряду с затундренными крестьянами, индигирищиками, каменщиками и пр. [Национальный состав... 2002].

2010-е годы, когда крупные политики сами определяли долю семейских в населении Бурятии, общаясь со СМИ: 20% [Старообрядцы, 2015], 27 [Бурятия становится, 2005], 30% [Алексей Цыденов, 2017]. Причем эти цифры разительно отличаются от данных, приводимых в текстах 1990-х, 2000-х и даже начала 2010-х годов. Это говорит о том, что первичны действия политиков, а не цифры. То есть не реальные размеры представляемой группы определяют политику, а политические события и позиция, занимаемая семейским кланом, влияет на то, какая доля проживающих в регионе семейских называется на публике. И это напрямую сказывается на степени легитимности властных притязаний семейского клана.

Какие границы у политической группы семейских? Здесь тоже обратная ситуация. Большинство публикаций напрямую называют ее членов, и это первично, а вот выстраивание общих «теоретических» границ, единых общих признаков для их авторов вторично, так как выводится из конкретных имен и поиска того, что их объединяет.

Список имен нестатичен, в целом большинство из них варьируется от публикации к публикации. Единственный, кого всегда определяют семейским, – сейчас уже бывший глава администрации президента Республики Бурятия, который во всех нарративах описывается главой семейского клана. Прочие члены зависят от конкретной политической ситуации, в контексте которой вышла публикация. В любом случае это всегда те, кто занимает важный с политической точки зрения пост: председатель комитета законодательного органа власти республики и заместитель его председателя, заведующий отделом законодательного органа власти столицы республики, глава крупнейшего промышленного предприятия, бывший глава республики, министр экономики, глава партии «Единая Россия» по Бурятии, генеральный директор телерадиовещательной компании, глава избиркома, депутаты. Принадлежность к семейскому клану у большинства из них обосновывается в различных заметках, описывающих их происхождение, детство в «семейской части Бурятии», иногда акцентируется внимание на старообрядчестве и вопросах веры. Последнее – один из способов легитимизировать включенность в семейский клан, если это невозможно сделать через статичные характеристики: место рождения, происхождение семьи. Однако сама по себе вера не дает права

стать семейским в политике. В такой ситуации политики подтверждают свой статус члена семейского клана, подчеркивая в публичном пространстве религиозную принадлежность.

Иногда в список семейских попадают спорные фигуры, в других публикациях причисляемые к иным группировкам, чаще всего к «варягам», так как других небурятских групп или хотя бы этнически нейтральных политических групп вообще не выделяют. Здесь начинает работать четкая закономерность: выявление связи с семейским кланом, прежде всего в лице главы клана, получение статуса «своего человека» автоматически приписывает принадлежность к группе. В устоявшейся логике ты не можешь сотрудничать с семейским политиком, вести с ним общие проекты, если ты сам не принадлежишь к этой группе. Складывается ситуация, когда политика описывается и понимается через концептуальную пару Я / Другой [Нойманн, 2004]. Даже главу республики, назначенного в свое время политика из другого региона страны, могут приписать к семейским, если так проще и удобнее описать ситуацию [Наговицына, 2014].

К базовым групповым признакам, отграничивающим семейский клан от всех остальных, обычно относят крайнюю степень корпоративизма и внутренней сплоченности. Эта мысль повторяется в различных публикациях и выводится из исторического прошлого: они «подвергались гонениям» [Этнополитический пасьянс, 2010], «самобытная группа», «развивалась обособленно» [Кому принадлежит Бурятия, 2017], «сохранили архаичность сознания, когда человеку симпатизируют в первую очередь по кровнородственному признаку» [Политические кланы, 2016], «выделяются менталитетом и склонностью к клановости» [Забытые страницы истории, 2014]. Высокий уровень сплоченности накладывается на представление о жесткой внутренней иерархии и высоком уровне власти у главы клана.

Успешность политиков описываемой нами группы также обычно выводится из их «семейскости»: «представители <...> всегда отличались <...> отменной деловой хваткой. В дореволюционное время они контролировали множество фабрик и торговых контор. <...> Но самых крупных вершин, недоступных им в царское время, они достигли во властных структурах (в современной Бурятии. – Прим. А. Б.). <...> По этому можно судить о степени влияния

семейских в политике и в экономике республики» [Бурятия становится... 2005].

В итоге можно констатировать, что «семейский клан» – это лишь инструмент описания, который используют в самых разных ситуациях. Его отличает гибкость: границы этой группы меняются, и важнее здесь не разнообразие авторов, использующих этот термин, а конкретные политические ситуации, к которым он приспосабливается этими авторами. Люди, которых определяют членами этого клана, постоянно меняются, потому что первостепенное значение имеют должности, которые они занимают. Политика, утратившего статусную позицию, больше не будут описывать как часть клана. Это возможно только в редких ситуациях, когда важен будет лишь прошлый статус, который сливается с личностью. Современные интервью с бывшим президентом Бурятии и обсуждение его семейской идентичности посвящены лишь обсуждению его прошлого, потому что он идентифицируется как президент. Его современное положение в клане, уровень власти, влияние на политику не описываются, в публичном пространстве он идентифицируется только как экс-президент. Это придает клану статус, являясь подтверждением его влияния в прошлом.

Гибкость термина «семейский клан» и свидетельство его неустойчивости лучше всего иллюстрируется взаимодействиями понятий «русский», «семейский». Все изученные публикации поразному понимают их соотношение: то они не пересекаются, то семейские становятся частью русских. Использование той или другой концепции зависит от степени удобства для описания конкретных политических событий. Единственная объединяющая нарративы идея (неважно, разводят ли авторы понятия русский и семейский) – понимание семейских как «местных русских». В публичном пространстве они видятся настолько укорененными, что этим легко обосновываются претензии на власть политиков, включаемых в семейский клан. Многие тексты затрагивают сюжеты отсутствия «русских» у власти, т.е. некоего «русского клана», при этом всегда подчеркивается, что это нормальная ситуация: «русские» ленивы и аполитичны, а «семейские» более укорененные, а их присутствие в политике благодаря их хватке полезнее для республики.

Формируются идентичности, противопоставленные друг другу, и даже нет необходимости рассматривать эти коллективы

как реальные единицы. Созданные образы начинают влиять на конкретные политические решения, а у политиков не остается выбора, кроме как существовать в этом вообразаемом мире неопатримониальных отношений.

Влияет ли «семейский клан» на политику?

Кроме того, что большинство авторов, публично описывающих бурятскую политику, солидарны, что семейские в ней присутствуют именно как клан, они также активно рассматривают и анализируют стратегии этого клана, действия его членов (именно с точки зрения семейской идентичности). И все эти публикации объединяет тенденция приписывания семейскому клану наибольшего влияния. Он представляется как политическая группа, обладающая высоким уровнем власти, приобретенной «серыми» способами, контролирующая большую часть политических процессов в регионе.

Ярче всего это выражается в подчеркивании влияния главы клана, который получил статус «серого кардинала», универсальный для всех публикаций. Несомненно, это отражение реальных событий в политике – назначение его в свое время главой администрации президента Республики Бурятия. Традиционно эта должность предполагает руководство внутренней политикой республики. Именно после этого события в СМИ появляются упоминания о «сером кардинале». Причем большинство публикаций вообще о политике в регионе, хотя бы косвенно, но делали отсылки к могуществу главы семейского клана. Некоторые были специально посвящены «серому кардиналу», особенно после его увольнения в 2017 г. Они подробно рассматривали роль семейского клана в региональной политике в лице его главы. Власть, приписываемая ему в публичном пространстве, была настолько большой, что потеря им должности рассматривалась как самое громкое политическое событие за долгое время, а появившийся в 2017 г. популярный телеграмм-канал, анонимно обсуждающий политику и политические сплетни в регионе, назвали семейской горницей, поставив на заставку его фотографию. «Главное лицо региональной политики», «заправляющий избирательным процессом из закулисья», «кукловод бурятской политики» – все эти эпитеты из публи-

каций, наряду с постоянным подчеркиванием статуса лидера семейского клана, задают тон любому упоминанию о шагах, предпринимаемых собственно самим семейским кланом. Хотя напрямую его внутренняя иерархия не обсуждается, создается образ, согласно которому его глава предстает всесильным политиком, безоговорочно диктующим собственные условия членам группы, а его «падение» (т.е. увольнение) рассматривается как поражение всего клана.

Однако этот нарратив расходится с теорией неопатримонизма, согласно которой неопатримониальные практики институционализированы, т.е. существует как сама норма, так и санкция. В этой модели неофициальная практика функционирует как глубоко продуманная логика действий, которая не может быть легко устранена или изменена одним актором. Патрон не может изменить эту модель по своему усмотрению, поскольку другие участники полагаются на нее и ожидают неопатримониального обмена [von Soest, 2010, p. 5]. Несмотря на постоянные отсылки авторов публикаций к клановости, земляческому, родственному, этническому принципам объединения в политические группировки, практике покровительства и продвижения своих: «семейские назначают семейских» [Контрэлита Бурятии, 2016], – фактически акцент на всемогуществе патрона и абсолютной подчиненности клиентов, по крайней мере в публичном дискурсе, разрушает эту неопатримониальную модель описания бурятской политики.

В публикациях члены клана пассивны: их выдвинут, их поддержат, их отстранят. Человеком, принимающим решения, видится только глава клана. С другой стороны, любые назначения тех, кого идентифицируют семейскими, интерпретируются как усиление позиций клана. В итоге это и приводит к формированию образа всесильного лидера: он не патрон для членов клана, они скорее его продолжение, его способ занимать одновременно несколько ключевых постов, оказывать влияние на других политиков и политические процессы. Неудивительно, что в сложившейся ситуации сформировалась модель, описывающая всесильного теневого политика, позиция и деятельность которого сливаются с политической группировкой в целом. Наделение его такими чертами и потребность закрепить их в публичном пространстве вылились в публичный скандал 2013–2014 гг., когда в Интернете был создан сайт от имени главы семейского клана. Прежде чем его закрыли, было опубликовано пять больших постов, обстоятельно описы-

вающих принципы существования семейского клана, его деятельность, взаимоотношения его членов с другими политиками, прежде всего с главой Бурятии, а также мнение автора и семейских вообще по спорным вопросам вроде национализма, социальных проблем и пр. Текст был написан таким образом, что легко идентифицировался с главой семейского клана, хотя сам он официально заявил, что не имеет к нему никакого отношения. Сайт в конечном счете закрыли, но свою функцию по закреплению в публичном пространстве образа реально существующего «серого кардинала» бурятской политики, возглавляющего семейский клан, он выполнил. Это была одна из самых рейтинговых политических новостей Бурятии 2010-х годов, ее постоянно перепечатывали, постили в социальных сетях, обсуждали в новых статьях и передачах.

Еще одна базовая характеристика клановой системы – все обсуждения действий клана, в первую очередь его главы, касаются лишь назначений на высшие государственные должности в регионе. То есть вся политика в этом описании сводится к борьбе за места, борьбе за ресурсы, которые, как предполагается, идут с ними в комплекте. Изученные публикации объединяет идея того, что семейский клан говорит от лица семейского населения республики, но на деле ни в одной из них не обсуждается ни одного политического решения, принимаемой законодательной нормы и т.п., выгодных для семейского населения вообще, которые семейские политики бы лоббировали. Все дискуссии касаются только борьбы членов семейского клана с другими кланами (к которым относят других политиков) за решения, выгодные для них самих. Авторы публикаций не интересуют то, какие преимущества на самом деле дает та или иная должность. Никто не исследовал официальные выгоды в виде размера заработной платы, льгот и т.п., неформальные – в виде уровня влияния на принятие политических решений, статуса, воздействия на перспективы карьеры и т.п. Под каждым руководящим постом государственной службы подразумевается огромное количество преимуществ, которые даже не имеет смысла обсуждать. Однако размер расходов на получение этих должностей, т.е. расходов на борьбу кланов между собой, иногда обсуждают. Но даже называя в таких случаях цифры, авторы не стремятся их как-то обосновать, для них достаточно дать ссылку на слухи.

В такой ситуации усиливается приписывание негативных черт семейскому клану, поскольку сведение политики к борьбе за

должности исключает пользу для общества в самом существовании такой группы. На осеннем фестивале дружбы народов в столице Бурятии в 2017 г. глава семейского клана, называемый таким в публичном пространстве, долго демонстрировал интерес к палатке с семейскими сувенирами и кухней, в то время как государственный телеканал снимал об этом сюжет, а после дал ему интервью, где рассуждал о важности семейской культуры для республики, укорененности этой группы населения и о положительных свойствах семейского характера. На самом деле в общем контексте публикаций это выглядело лишь попыткой подтвердить легитимность своего положения.

Воображение категории «семейский клан» в публичном пространстве привело к отсутствию необходимости его четкой привязки к реальной группе и ее действиям. Это не отрицает возможность существования реальной политической группировки семейских, но для авторов публикаций больший интерес представляет проектирование семейского клана, а не анализ реального явления. В итоге, когда речь идет о действиях семейского клана, его отношениях с другими, его обсуждения в публичном пространстве тяготеют к моделированию этих действий, а не к анализу уже совершенных шагов. Все они появляются в преддверии перестановок в органах власти, выборов и новых назначений. В них обсуждаются будущие действия семейского клана и его главы, возможные провалы или победы. По большому счету не имеет значения, сбудутся ли эти прогнозы. Когда предполагаемые назначения происходят, прошлые тексты уже не обсуждают. Это дает возможность формулировать взаимоотношения Я – Другой с точки зрения враждебности, сохранения и расширения своих границ без привязки к реальному положению дел. Сквозная тема всех публикаций – обладание семейским кланом мощными политическими ресурсами, из чего делается вывод, что он агрессивно их отстаивает и будет стремиться только расширить границы своего влияния, т.е. отбирать ресурсы у других.

В итоге в публичном пространстве Бурятии семейский клан стал группой, постоянно наделяемой негативными чертами, и самый распространенный способ делать это – наделять ими того, кого объявили лидером группы. «Он выполняет деструктивную функцию в политике национальной республики. Возможно, это происходит из-за недостатка политической культуры и чрезмерно-

го желания “рулить” всем самому. Или же это продуманный ход коварного “серого кардинала”, решившего подставить своего шефа так сильно, чтобы у него не было шансов оправиться от полученного удара» [Носков, 2015]. А уже после этого выводится четкая связь между конкретным политиком и группой других политиков, патроном которых он объявляется. Перенос этих негативных черт на всех них дает санкцию под видом политического анализа негативно характеризовать группу в целом, поскольку враждебный образ уже сформирован. «Они (семейские. – Прим. А. Б.) в лице <...> руководителя администрации главы Бурятии обрели реальную политическую силу. Но они слабы интеллектуально и не обладают более широкими возможностями вне региона – они локально-действующие» [Мархаев, 2015].

* * *

На первый взгляд, описание бурятской политики в публичном пространстве происходит в рамках концепции неопатримониализма. Выделяются патроны, которые используют свои государственные должности и власть, которую они им дают, для укрепления лояльности своих клиентов. Выстроенная модель позволяет им оставаться у власти, а неопатримониальный обмен создает устойчивые группы, которые принято называть кланами. Это сформировавшийся язык описания политики, который поддерживается разными авторами, и понятен целевой аудитории.

Одним из основных кланов, называемых в рамках данной модели, является семейский клан. При этом что понятие семейского клана уже довольно устойчиво, активно используется в огромном количестве нарративов, а число его упоминаний возрастает с каждым годом, границы его постоянно меняются. Не только разные авторы представляют каждый свое видение семейского клана, один и тот же автор может описывать его иначе в текстах разных дат публикаций. Определение семейского клана трансформируется в зависимости от политической ситуации, которую с его помощью объясняют. Это характерно в целом для языка клановой модели описания бурятской политики. При назначении нового главы республики в 2017 г. местные политики и журналисты сразу попытались вписать его в эту систему, несмотря на то что он не является

уроженцем Бурятии, и, на первый взгляд, не должен соответствовать установленным этой системой нормам. Однако их гибкость позволила объявлять его почти земляком разным политикам, что выводилось из близости их территориальной принадлежности к месту его рождения в соседнем регионе. И это условное понятие: в разных заявлениях его объявляли соседом для политиков, идентифицирующих себя с разными территориями, т.е. из разных кланов.

Описания семейского клана отсылают к необходимости презентации во власти семейского населения республики. Это легитимизирует властные притязания политиков, объявленных семейскими, а также занятие ими государственных должностей. При этом одновременно в публикациях присутствует другой, противоречащий этому нарратив о том, что семейский клан продвигает интересы только своих политиков. Более того, приоритет имеют интересы главы клана, а потребности остальных членов удовлетворяются лишь при совпадении с интересами их лидера. Семейский клан в такой манере описания существует лишь для удержания своей власти, его целью даже не является продвижение запросов семейского населения. Таким образом происходит легитимизация существования семейского клана и клановой системы в целом как формы представительной демократии на неформальном уровне и формулирование описания политического пространства через призму дихотомии Я – Другой. Соответственно, любые взаимоотношения семейского клана с внешней средой описываются через понятия конкуренции, вражды и агрессии.

Констатация обладания семейским кланом властью привела к созданию образа сильной, опасной группы влияния, занимающейся интригами, подковерными играми, угрожающей политикам, представляющим другие группы населения региона. Но идеи избавления республиканской политики от семейского клана в публикациях не возникает, поскольку сами семейские предстают укорененной группой населения, местными русскими, имеющими полное право делегировать своих представителей во власть. Каждая из групп населения в этой модели наделяется правом презентации во власти. А группируется это население не по родственному или территориальному признаку, а скорее по национальному признаку. Даже распределение должностей – главных ресурсов, за которые ведется политическая борьба, согласно сформированному дискурсу, должно происходить по национальному признаку. Быв-

ший президент республики при каждом общении со СМИ подробно объясняет принцип национального паритета во власти: если он себя определяет как русского, то должность главы законодательного органа республики в его понимании априори принадлежит буряту [Преемником Наговицына... 2016]. И все остальные высшие государственные должности, по его утверждению, должны распределяться по национальному признаку. При этом в одних интервью он выделяет семейских в отдельную группу, а в других номинирует их как русских. Эта модель назначений, требования журналистов сократить круг кандидатов на пост сенатора из-за того, что одна должность сенатора уже занята представителем одной национальности, подробное обсуждение «эффекта Шойгу» [Старт в будущее, 2015], обсуждение вновь назначенного главы Бурятии (т.е. его метисности), публичная дискуссия о национальности вновь назначенного главы района республики (соотносится ли она с национальностью большинства его жителей), а не о его профессионализме или опыте, – все это говорит о том, что за маской неопатримониализма, по крайней мере на уровне дискурса, процветает национализм. Однако это понятие табуировано, что приводит к появлению «кланов», «кровнородственных связей», «родоплеменному устройству», «феодальной эпохе» и других аналогичных терминов для описания политического пространства республики. Современные процессы в образе традиционализма – это лишь язык описания, понятный и доступный большинству.

Список литературы

- Алексей Цыденов: Из огня да в полымя // ТАСС. – 2017. – 14 августа. – Режим доступа: <http://tass.ru/opinions/region-officials/4473786> (Дата посещения: 23.12.2017.)
- Белькова А.А. Русский мир и политика разнообразия: Старообрядцы во Внутренней Азии // Политика и общество. – М., 2017. – № 1. – С. 60–67.
- Болонев Ф.Ф. Семейские. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1985. – 144 с.
- Бурятия становится одним из центров старообрядцев России // Infpol. – 2005. – 11 мая. – Режим доступа: <https://www.infpol.ru/news/society/79876-buryatiya-standovitsya-odnim-iz-tsentrov-starobryadtsev-rossii/> (Дата посещения: 23.12.2017.)
- Вопросы сохранения и развития толерантности, проблемы гражданской активности населения Республики Бурятия / Д.Ц. Будаева, З.Р. Мэрдыгеев, Н.Ц. Хантургаева, Л.М. Итигилова. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2010. – 140 с.

- Забытые страницы истории // Газета РБ. – 2014. – 26 ноября. – Режим доступа: <http://gazetarb.ru/columns/author-Tararuev/article-304946/> (Дата посещения: 23.12.2017.)
- Национальный состав и владение языками, гражданство // Всероссийская перепись населения 2002 г. – Режим доступа: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> (Дата посещения: 23.12.2017.)
- Кому принадлежит Бурятия. Часть 1 // Infpol. – 2017. – 14 апреля. – Режим доступа: <https://www.infpol.ru/news/society/125923-komu-prinadlezhit-buryatiya-chast-1/> (Дата посещения: 23.12.2017.)
- Контрэлита Бурятии – неизвестные идеологи или реваншисты, стремящиеся к власти? // ARD. – 2016. – 31 октября. – Режим доступа: <http://asiarussia.ru/news/14096/> (Дата посещения: 23.12.2017.)
- Мархаев оказался обычным нойончиком // ARD. – 2015. – 8 октября. – Режим доступа: <http://asiarussia.ru/blogs/9399/> (Дата посещения: 23.12.2017.)
- Наговицына в топе ЖЖ назвали «семейским» // ARD. – 2014. – 13 марта. – Режим доступа: <http://asiarussia.ru/news/2311/> (Дата посещения: 23.12.2017.)
- Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. – М.: Новое издательство, 2004. – 336 с.
- Носков пошел на дно // ARD. – 2015. – 19 ноября. – Режим доступа: <http://asiarussia.ru/blogs/9987/> (Дата посещения: 23.12.2017.)
- Панарин С. Этнополитическая ситуация в Республике Бурятия // Байкальская Сибирь: Из чего складывается стабильность. – М.; Иркутск: Наталис, 2005. – С. 95–137.
- Политические кланы Бурятии: «восточные», «западные», «семейские», «мухоршибирские» // Ulanmedia. – 2016. – 14 сентября. – Режим доступа: <http://ulanmedia.ru/news/531273/> (Дата посещения: 23.12.2017.)
- Преемником Наговицына должен быть бурят // ARD. – 2016. – 11 ноября. – Режим доступа: <http://asiarussia.ru/persons/14221/> (Дата посещения: 23.12.2017.)
- Религиозные организации Республики Бурятия: Словарь-справочник / С.В. Васильева, М.В. Барнакова, А.И. Жамбалова и др. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2011. – 211 с.
- Старообрядцы мира собрались в Корогоде // Новая Бурятия. – 2015. – 10 августа. – Режим доступа: https://newbur.ru/n/23155/?sphrase_id=1148 (Дата посещения: 23.12.2017.)
- Старт в будущее. Станет ли назначение Алексея Цыденова переходом в новую историческую эпоху для Бурятии // ARD. – 2015. – 13 февраля. – Режим доступа: <http://asiarussia.ru/articles/15193/> (Дата посещения: 23.12.2017.)
- Сюрпризы и рекорды переписи в Бурятии // Infpol. – 2002. – 30 октября. – Режим доступа: <https://www.infpol.ru/news/society/78787-syurprizi-i-rekordy-perepisi-v-buryatii/> (Дата посещения: 23.12.2017.)
- Талько-Грынцевич Ю.Д. К антропологии великороссов. Семейские (старообрядцы) забайкальские. – Томск: Паровая типо-лит. П.И. Макушина, 1898. – 52 с.
- Шахназарян Н., Шахназарян Р. «Уважить, умаслить, отблагодарить»: Дискурсы об альтернативной экономике, родстве и коррупции в кавказских сообществах // Laboratorium: Журнал социальных исследований. – СПб., 2010. – № 1. – С. 50–72.

- Этнополитический пасьянс // Infpol. – 2010. – 17 февраля. – Режим доступа: <http://www.infpol.ru/news/society/88217-etnopoliticheskiy-pasyans/> (Дата посещения: 23.12.2017.)
- Юмсунова Т.Б. Язык семейских – старообрядцев Забайкалья. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 288 с.
- Collins K. The logic of clan politics: Evidence from the Central Asian trajectories // World politics. – Baltimore, 2004. – N 56 (2). – P. 224–261.
- Eisenstadt S.N. Traditional patrimonialism and modern neopatrimonialism. – L.; Beverly Hills, CA: Sage publications, 1973. – 95 p.
- Erdmann G., Engel U. Neopatrimonialism reconsidered: Critical review and elaboration of an elusive concept // Commonwealth and comparative politics. – L., 2007. – N 45 (1). – P. 95–119.
- Erdmann G., Engel U. Neopatrimonialism revisited: Beyond a catch-all concept. – Hamburg: German institute of global and area studies working papers, 2006. – N 16, February. – Mode of access: https://www.giga-hamburg.de/en/system/files/publications/wp16_erdmann-engel.pdf (Дата посещения: 23.12.2017.)
- Mill J.S. Considerations on representative government. – L.: Parker, Son, and Bourn, 1861. – 340 p.
- von Soest Ch. What neopatrimonialism is – six questions to the concept. – Hamburg: German institute of global and area studies working papers, 2010. – N 23, August. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/242680401_What_Neopatrimonialism_Is_-_Six_Questions_to_the_Concept (Дата посещения: 23.12.2017.)
- Evaluating information: The cornerstone of civic online reasoning / S. Wineburg, S. McGrew, J. Breakstone, T. Ortega. – Stanford: Stanford Digital Repository, 2016. – Mode of access: <http://purl.stanford.edu/fv751yt5934> (Accessed: 23.12.2017.)